

Сергей ЗЕЛЬДИН

Сергей Зельдин родился в 1962 году в станице Ярославская Краснодарского края. Жил в г. Волжском, с 1974 года в Житомире (Украина). Публиковался в журналах «Крещатик», «Новый берег», «Слово\Word», «Дружба народов». В «Волге» публиковались рассказы (2017, № 7-8; 2018, № 5-6; 2019, № 3-4).

РАССКАЗЫ

Теща и ее кот

Теща моя, Тамара Дионисьевна, была маленькой женщиной, вечной труженицей, из сирот.

О таких Анатолий Франс сказал: «Они рождались, страдали и умирали». Хотя нет, теперь я вспомнил, это он сказал о всех нас.

У нее были слабые легкие, а ей пришлось всю жизнь работать во вредном цеху, ткачихой на льнокомбинате.

Она была хорошим человеком и сама вырастила двух дочерей, настоящих кобылиц, здоровых и крикливых, старшая из которых женила меня на себе.

Я любил тещу, и она меня любила, жалела и всегда старалась побаловать бедного зятя то варениками с сердцем и легкими, то яблочным пирогом, который мне чудится до сих пор, так что я даже просыпаюсь со вкусом кислой яблочной начинки во рту, так он мне нравился.

У тещи был кот по кличке Фунт. Теща звала его Фунтик.

Трудно было себе представить союз более противоестественный, чем этого кота и его хозяйки. Доктор Джекилл и мистер Хайд – вот все, что приходит мне в голову.

Теща – толстенькая, суетливая, с вечно красным от насморка носиком и виноватыми глазами.

Фунт – грязно-белый котяра, причем «грязно-белый» это не условное обозначение масти, а просто первоначально он был белым, а потом раз и навсегда испачкался, не имея ни малейшей котячьей склонности к умыванию и прилизыванию. Фунт был не просто грязным, каким бывает шкодливый, покрытый паутиной и пылью домашний любимец, – в его нечистоплотности было что-то человеческое, нарочитое и вызывающее. Казалось, он пробирался домой болотом или лежал на пороге пивной вместо коврика – так, говорят, поступали в Персии, специально кладя ковры перед входом в караван-сарай.

Фунт был таким страшилищем, что даже не верилось, что это тещино домашнее животное, а не производное от камышового кота и гиены.

В «Бравом солдате Швейке» есть рассказ о псе Балабане. Пес Балабан был таким уродливым, что другие собаки его сторонились, и вечно он лежал под телегой, одинокий и грустный. «Потом, – меланхолически сообщает Швейк, – они вместе с хозяином пропали без вести в Галиции».

Это неплохое описание Фунта, которого можно было бы назвать «кот Балабан».

Но пес Балабан не был драчуном, бандитом и насильником, а Фунт был, и его отталкивающая внешность органично сочеталась с совершенно лютым характером.

Осталось добавить когти и клыки ненормальных размеров – и вы получите отдаленное представление об этом исчадии ада. Я не раз пытался себе представить корень генеалогического древа Фунтика, и каждый раз перед моим внутренним взором возникала мохнатая чупакабра.

Кстати, об исчадиях ада – все что я рассказываю – чистая правда. Сочинить можно было бы и похлеще, как сказал один писатель. Например, выдумать какую-то «адскую

кошку», как у Стивена Кинга. Нет, у меня такого никогда не бывает – у меня всегда только чистая правда.

Как выживали, о чем думали, на что надеялись остальные коты из Цветочного переулка – неизвестно.

Все же Фунт не стремился к полному истреблению себе подобных, предпочитая держать их просто в рабстве.

Несогласные ходили с расцарапанными физиономиями и драными боками.

Фунт, конечно, больше всех блистал боевыми регалиями – морда его была так густо покрыта шрамами, что казалась сшитой из лоскутов, а одного уха не было.

Но все эти увечья относились ко времени его юности, почти детства, когда он делал только первые шаги на тропе войны и был намного мельче и слабее своих взрослых соперников.

Что же касается женского пола, то он не пропускал ни одной меховой горжетки или муфточки, и много лет все котята Цветочного переулка были похожи на одного папашу, хотя, слава Богу, были посимпатичнее его.

Как ни странно, этот юрский хищник жил не в саванне и не в лесу, а был домашним котом тещи, был ею горячо любим и, как мог, отвечал ей взаимностью.

Редко, но можно было застать его дома. Он лежал на стуле в виде грязной косматой папахи.

Честное слово, я люблю котов. Люблю гладить их шелковистую шерстку, щекотать им под горлышком и даже выбирать из их шубки репяхи и веточки. Но, клянусь, ни разу у меня не возникло желания погладить Фунта. Он не шипел, не играл хвостом, не убегал, но одного его тошнотворного взгляда искоса бывало больше чем достаточно.

Непонятные, но трогательные отношения связывали тещу и кота. В моем представлении это был голливудский фильм ужасов о нежной дружбе маленькой девочки и Фредди Крюгера, или мальчика с педофилом-маньяком.

Только ей одной позволялось брать его на руки, гладить и ласкать. Иногда Фунт даже давал ей помыть себя и расчесать спутанную львиную гриву. Конечно, красота эта была ненадолго.

Если дела заставляли его пропасть на неделю-другую, теща ждала его и радовалась, когда утром со двора раздавались скрипучие звуки, отдаленно напоминающие мяуканье.

Добавлю, что тещин муж, мой тесть, худой и нервный мужчина, вынужденный жить с Фунтом в одном переулке, откровенно ненавидел его и боялся. Но поскольку он был горьким пьяницей, то его никто не спрашивал. Впоследствии на него первого пало подозрение, но ничего доказано не было. Да я и не верю, чтобы у него хватило духу на такое.

У Фунта была оскорбительная манера не замечать собак. Собаки, благоразумно обходя его стороной, тоже делали вид, что его нет. Впрочем изредка залетные псы кидались на Фунта и потом благодарили свою собачью звезду, что остались хотя бы при одном глазе и с не до конца снятым скальпом.

Однажды Фунт ушел и больше не вернулся. Его убили, убили люди – проклятые соседи!

Вероятно, какой-то мститель за своего Барсика или Томаса, подло, из-за угла, отравил его. Невозможно представить себе, чтобы Фунт дал прикончить себя каким-то другим способом.

Тела так и не нашли.

Долго горевала теща Тамара Дионисьевна, все ждала его. Она пыталась заполнить душевную пустоту другими котами, но все это было не то, и все другие казались ей какими-то припудренными педиками.

Я так думаю, что этот кот был мужчиной ее мечты.

Потом умерла и теща, сгорела от рака.

В двух комнатах, в многосемейном деревянном доме по Цветочному переулку, 57, живет тесть, Бронислав Станиславович.
Он совершенно бросил пить и завел себе собачку Белку.

Курение

*В голенище, сунув трубку,
Все и бодры и легки.
И казак несетя в рубку,
И солдат идет в штыки!*

Песня времен Первой мировой

Давай закурим, товарищ, по одной...

Песня времен Второй мировой

*Но если есть в кармане пачка сигарет,
Значит все не так уж плохо
На сегодняшний день...*

Песня мирного времени

Сергей Леонидович курит всю жизнь. Однажды он бросил, в эйфории от рождения сына Шурика, и не курил девять лет.

Все эти девять лет ему снилось, что он так и курит, а когда он просыпался, во рту стоял привкус застарелого бычка.

Наконец он стал курить опять и больше уже не прерывался.

Он курит пачку на три дня. Он бы курил больше, но, как все курильщики, боится рака легких. Как и все, он думает: «А, где наша не пропадала!», или: «Риск – благородное дело!», или: «Без курева жизнь дерьмо!» и т.п.

Курить хорошо, гораздо лучше, чем пить.

«Интересно, – думает Сергей Леонидыч, – пачка сигарет, которая в обычной жизни яд, канцероген и вообще адское зелье, где-то в зоне или на войне ценится больше хлеба и патронов, и никто там не только не боится рака легких, но и никогда им не болеет. Ну, максимум туберкулезом.

Что бы стали делать Красная Армия с вермахтом, если бы перекрыть табачное довольствие? Плюнули бы и разошлись по домам – воюйте сами!

Это хорошо описал один писатель: в тюрьме человек лишен многого – свободы, водки, женщин – и все это он терпит. Но стоит нарушить снабжение тюрьмы сигаретами, как поднимаются такие бунты, что Пугачеву не снились.

Да-а, хитрая штука – курево. Кто-то говорит: коварный легкий наркотик. Может, и легкий, но Сергей Леонидович думает, что это образ жизни, мироощущение человека, граница, отделяющая искренних, честных, хороших людей от всяких хитрожопых некурящих.

Он так и говорит, когда узнает, что какой-то известный человек, знаменитость, спортсмен, курит – «хороший человек!».

Один некурящий козел изредка хрюкает ему: «Я бы курил, если бы знал, какой кайф от этой вони», или: «Чего там бросать – взял и перестал покупать!» – и тому подобную чушь, и при этом машет рукой, якобы удушаемый клубами ядовитого дыма.

Вот дурак! Ну, тогда – чего тут худеть? – взял и перестал жрать! Что тут воевать – взять, да и не воевать! Зачем болеть – не надо болеть! Почему умирать?..

Нет, пока курится, надо курить. И деды наши курили, и прадеды. Как говорится: «Русичам дымление – веселие!»

Но одно плохо – табак стал плохим. Говорят, что сейчас, если разобраться, это и не табак, а какое-то дерьмо, одна труха.

Очень может быть. Однажды в гостях у одного профессора пьяный в дупель Сергей Леонидович курнул хозяйскую трубку с «Блэк Кэптен» и чуть не уехал в Ригу, так голова закружилась.

Поэтому он давно уже приглядывается к махорке на Житнем рынке: стоит мешок самосада, стакан; рядом, на ящике, импортные коробки с гильзами, по тысяче штук, и – для эстетов – пачки резаной бумаги под самокрутки.

«А что? – думает Сергей Леонидович. – Возьму и попробую козью ножку! Не бросать же!»

Автобиография

Меня зовут Зельдин Сергей Леонидович. Я родился 9 апреля 1962 года в станице Ярославской Лабинского района Краснодарского края. Таким образом, я, как это ни парадоксально, кубанский казак.

Это шутка, какой я казак. Но я не согласен и с женой, говорящей, что я псих. Для психа я недостаточно цельный.

Все же мне чудится то то, то се. Например, мне иногда чудится уютный старый дом.

Здесь вечер, зима, и дом этот в каком-то маленьком городишке, в безнадежной, бездонной советской глубинке. Это так далеко и глубоко, что здесь даже нет начальства. То есть начальство, наверное, есть, не может быть без начальства, но оно никак себя не проявляет.

Здесь степь, но есть и лес. В доме горит керосиновая лампа и все сошлись для дружеского застолья, с водкой, с разговорами, с пением, нехитрой, но душевной закуской, мочеными арбузами и жареной картошкой.

Года стоят пятидесятые, но может, и тридцатые, во всяком случае, не двадцатые и не семидесятые.

В доме живут очень приятные для меня люди. Есть и подозрительные личности, случайно избегшие лагеря, а может, и чего-то похуже.

Мне кажется, что это воспоминание о моем двоюродном дяде, не то Мише, не то Жоре, который сбежал из станицы от рассказывания и от раскулачки, и под конец нашелся в Сумгаите, городе на берегу Каспийского моря. Толстый лысый старик, он работал садовником при исполкоме. С ним жила жена-старушка.

Мы пришли к ним в гости – я, маленький Сережа, мой папа Леонид и моя мама Галя, племянница этого деда Жоры.

Дед Жора и старушка жена жили в уютном старом доме, где горела керосиновая лампа и пахло картошкой, жареной на сливочном масле, и где меня поразил страшный чайный гриб в банке.

Когда мама была жива, она говорила мне, что я путаю, что старики жили в хрущевке и никакой лампы не было, а она была в станице, у бабушки Кати. Не знаю. Это не важно.

В Сумгаите растут олеандры с розовыми жирными цветами, пахнущими, как может пахнуть только юг.

Еще здесь жили другие дедушка и бабушка, родители моего папы Леонида. Они случайно жили в одном городе с дедом Жорой и его женой-старушкой.

Раньше они жили в Ленинграде, потом жили в Киргизии, а уже потом переехали в Сумгаит. А изначально они были питерские. «Помни! – торжественно говорил мне покойный отец, когда был выпивший. – Твой прадед был булочником в Петербурге!» Почему-то он придавал важное значение, чтобы я об этом помнил.

Этот мой сумгаитский дедушка, Владимир Ефимыч, был еврей и на войне не воевал, не то что другой дедушка, Вася, который воевал и был без пальцев на руке и в маленьких шрамах от осколков. Я долго таскал его медаль «За отвагу» и даже пилил ее напильником, а потом потерял. Мне было шесть лет.

А этот второй дедушка, Володя, еврей, был счетоводом, как Корейко, проштрафился и всю войну провел на стройках народного хозяйства во Фрунзе, в Киргизии. Сейчас это Бишкек. Там делали валенки для фронта. Там, в Бишкеке, родился мой папа Леня. Он очень голодал в детстве и продавал на восточном базаре воду кружками. Он родился в сороковом и был младшим в семье.

А потом они поселились в Сумгаите, и там папа, красивый городской юноша, встретил мою маму, молоденькую кубанскую казачку, приехавшую поступать на завод. Они повстречались на танцах, влюбились, поженились и родили меня.

Вот так и вышло, что полуеврей папа женился на потомственной кубанской принцессе, а ведь от таких браков рождается несчастливое потомство, об этом утверждал даже Ницше, я сам читал. «От них, – говаривал он, – добра не жди!»

В общем, Ницше был прав. Все же, под конец моей удивительно дурацкой жизни я перестал жалеть об этом давнем расовом мезальянсе. Мне кажется, не иметь ни капли еврейской крови тоже плохо для человека.

Зельдин С.Л.
07.05.18

Перечитал автобиографию и удивился – черт знает что такое: писал, писал, а толку никакого.

Второй закон термодинамики

Один старик не любил нашу с вами современность. Красота наших гламурных, креативных денечков оставляла его равнодушным. Он не понимал, в какую хорошую эпоху он живет.

Он был совсем чокнутый. Целыми днями он думал о какой-то туфте, о втором законе термодинамики.

Главное, его угнетало, что согласно этому закону энтропия неуклонно возрастает.

Вы не поняли, и я тоже. Но если перевести эту хрюканину на наш с вами язык, то это обозначает: всякой херни и бардака будет все больше и больше, жить будет становиться все херовее и херовее, пока Вселенная не взорвется, как будто в дырку сортира кинули гранату РГД, не разлетится дерьмовыми ошметками и не накроется величественным медным тазом.

Старику казалось, что в его родном городе второй закон термодинамики работает с особой силой.

Вы сами видите, какой ядовитый был старичок.

А он ехал в автобусе, висел на поручне и смотрел поверх головы сидящего молодого хлопца. Парень увлеченно игрался со своим гаджетом и так широко расставил колени, как будто он был ковбой и его яйца не помещаются в штанах. Старику приходилось тесниться, а пожаловаться он не решался, не зная, на какого ковбоя налетит.

Старичок стоял буквой «зю», смотрел в окно и думал, что вот, уже осень, падают каштаны, но среди ржавой листвы как в бреду поднимаются белые свечи цветов. Закон термодинамики коснулся и климата, и летом старик чуть не умер от жары. Второй урожай каштанов был для него слабым утешением. Это во Франции, где растут каштаны съедобные, второй их урожай обрадовал бы французов, хотя французы и так живут слава Богу. В Украине же растут каштаны дикие, конские, несъедобные. Эти конские каштаны

никому не нужны, только детям и старым чудакам. Они набивают ими карманы, чтобы потом, зимой, меланхолично перебирать их, дожидаясь трамвая. Сухие каштаны в карманах издают приятный перестук и напоминают о прошедшем лете.

Надо ли говорить, что наш старик носил в правом кармане каштаны, а в левом – желуди?

Впрочем, у природы ничего не бывает даром, и каштаны в конце концов тоже пригодились – их собирали бомжи и везли в детских колясочках на фабрику «Лектравы», где их них варили бальзам от варикозного расширения вен.

Может, этот бальзам и помог кому-то, но старик в это не верил.

Рука старика затекла, но когда он вздумал поменять позу, то одна тетка так его толкнула, что у него в середине екнуло.

– Чого штовхаешься, боров? – крикнула она старику.

Не успел он обдумать плохие нравы в свете второго закона термодинамики, как увидел в окно плакат. Плакат висел давно, просто старик не видел.

Это была большая фотография, запечатлевшая воина после горячки боя.

Увешанный хитрыми орудиями убийства, воин одной рукой поглаживал автомат, а другой подносил к губам сигарету.

На молодом лице было написано столько всякого, что старик поневоле отвел глаза. Надпись внизу гласила: «Лицо мира».

И только старик подумал о своем дурацком законе, как с боков его сдавили, сзади лягнули, взревел певец Вакарчук, и маршрутка весело покатила дальше.

Моя семья и я

Совсем не помню сына маленьким; не помню, что он делал в детском саду и как он уходил в школу. Помню только, что я его не бил и что ни разу не был на собраниях. Когда жена мне говорит: «Ты что, не помнишь, как во втором классе он ходил на гимнастику?» – я говорю: «Нет».

Я смотрю на рабочего мужика с рано поседевшей головой, когда он приходит в гости со своей семьей, с детьми, с женой – и не могу себя уверить, что это мой отпрыск, мой сынок – я сам себя чувствую сынком, хотя уже и пережил своего гадского папашу на шесть лет.

Жена раздраженно гремит тарелками, скрежещет дверкой плиты и кидается кастрюлями, как кот Бегемот в «Мастере и Маргарите».

Походка ее с годами и десятилетиями отяжелела, и когда она топает по коридору в сортир, так и хочется сострить: «С легкостью тяжелого танка».

От ее красоты мало что осталось, разве что глаза по-прежнему карие, но она все еще молодится, часами роется в сэконд-хэндовских мешках, заводит прически и ходит на маникюр по сто сорок гривен – это четыре пачки сигарет или полторы бутылки водки.

Она похожа на Матильду из «Леона-киллера» на склоне лет.

Ко мне, своему старому верному мужу, она относится со сдержанной яростью – я служу ей вечным напоминанием о безвозвратно погибшей молодости; а ведь она могла выбирать между мной и одним курсантом-ракетчиком, тоже Колей, но гораздо выше, красивее и намного умнее. Нет сомнения, что тот, другой Коля, создал бы для нее совершенно другие жизненные условия и не позволил бы пропасть даром ее красоте и сексуальности.

Но этого теперь не вернуть, и ей остается только каждый день смотреть на эту облезлую фигуру – своего муженька. Очевидно, что этот крест ей нести до самой Голгофы.

Я ей говорю, что она напрасно идеализирует господ офицеров – все они алкаши, говнюки и очкогребы – я насмотрелся на них в армии.
Но жена мне не верит.

Один классик, описывая библиотеку в одном губернском городе, заметил, что если бы не молодые евреи, то в библиотеку некому было бы ходить.

Пронеслось сто пятьдесят лет, ничего в губернском городе не поменялось, только молодые евреи вместе со старыми уехали в Израиль и теперь точно в библиотеку почти никто не ходит.

Но «почти» – оно и есть «почти» – кто-то же да ходит. Это – студентки-первокурсницы и нищие благородные пенсионеры.

Студентки берут поэзию, втайне собираясь стать поэтессами не хуже Лины Костенко, а старички фанатеют от Чейза. У Чейза всегда и во всем виноваты бабы, это нравится старичкам и заставляет их вспоминать о годах далекой молодости.

Кто, кроме меня, читает в библиотеке остальные книги – это загадка, тем не менее кто-то их читает.

Так, недавно, я взял почитать книжку какого-то Богом забытого англичанина, и специально прочитал листок с записями о выдаче книг, наклеенный внутри, под обложкой. К моему удивлению, я не был первооткрывателем этого Лоренса Стерна: первая выдача произошла в прошлом тысячелетии, в далеком 1984 году; вторая – уже в эпоху становления нашей независимости – в 1996-м; третья, опять-таки, по странному стечению обстоятельств, ровно через 12 лет, в 2008; четвертым читателем стал я.

Очень может быть, что за этим 12-летним циклом что-нибудь да кроется – ведь китайские мудрецы были не дурнее нас с вами.

Патологоанатомия

Не нравятся мне патологоанатомы. И чем ближе роковой рубеж, или, другими словами, гробовая доска, тем сильнее они мне не нравятся.

И даже всплывает нехорошее слово: осквернители.

И пусть кто-то назовет их учеными-подвижниками с переднего края науки: то они новый орган откроют, то, наоборот, закроют дело для органов, то сообщат родственникам, отчего умер их 97-летний дедушка – все равно я буду считать их неприятными, гадкими людьми.

Давайте рассмотрим это на живом примере – вот лежу я на цинковом столе... Или нет, давайте еще нагляднее – вот лежите вы на цинковом столе...

Ваш сосуд жизни разбит и ваш храм разрушен. Но он все-таки был вам дорог, дорог настолько, что вы заранее предупредили: никому никаких органов не давать!

И вдруг тупой, равнодушный скальпель взрезает ваше священное, пусть и неживое, тело.

Всю жизнь у вас болела спина, и вы считали, что у вас грыжа, даже две грыжи, на поясничном отделе хребта. Вы сжились с этой грыжей, породнились, обручились. Сколько раз вы говорили теще: «Не могу я копать ваш погреб, я умываюсь-то на коленях!», или на работе: «Вам хорошо, у вас спина не изувечена!» Вы холили свою грыжу и лелеяли, носили пояс из собачьей шерсти, растирались бурячихой и спиртом, и как же хорошо было, постанывая: «о-о-о... о-о-о!...» – кушать на диване у телевизора оладушки, а жена сидела рядом и смотрела на вас чудными от слез глазами. «Больно, Кеша? – спрашивала она вас. – «Больно, Попочка», – отвечали вы.

Иногда вы задумывались, что это за грыжа, какая она, грыжа – и в вашем воображении рисовались два ужасных пузырька, вылезших между кривыми позвонками и похожих на те, что выдавливаются, если сжать детскую игрушку «лизун»...

Сорок лет, пятьдесят лет, всю свою жизнь – вы прожили со своей грыжей, и она стала вам роднее тещи и ближе жены.

И вдруг чей-то холодный рыбий глаз заглядывает вам в разрез и кто-то гнусаво каркает:

– Чего там эта старушенция плела, какая грыжа? Обычный... (тут следует ничего не говорящее латинское слово). Походил бы, дурень, на процедуры, поделал бы гимнастику и был бы как огурец. Вот идиот!

Понравится вам это?

Или вот, сердце. Тоже хитрый орган!

Но зачем нам сердце или мочевого пузырь, если суть дела и так уже доказана: плохие люди эти патологоанатомы, поругатели святынь, гады!

Майские грезы

Это май-чаровник,

Это май-баловник

Веем свежим своим опахалом.

Фет или Тютчев

Май машет опахалом, метет белую метель. Прибитый дождем тополиный пух похож на грязную вату.

Каштаны отцвели, аристократически запахло акацией; жасмин же благоухает духами падшей женщины; бабушкой, медом и советским детством пахнет липа.

На Новом Бульваре на деревьях вылупились маленькие бубочки – будущие грецкие орехи.

Прилетели мухи, зазудели комары; в реках трется карась – он мечет икру; соловьи поют днем, значит, соловьи сидят в гнезде на яйцах.

Здоровье гораздо лучшее, чем зимой, когда приходило за отопление.

Все подтянулись и смотрят с надеждой.

Даже горсовет ощутил прилив творческих сил и отменил бесплатный проезд для пенсионеров.

Май грозовой, дождливый. Ничего! Недаром говорилось в старину: «Дождик в маю – агрономия по-х...!» Значит, будет урожай картошки, а значит – будем жить!

Майские грезы, сладкие грезы!

Мы выбрали нового президента. Это артист оригинального жанра, весельчак и балагур.

Мы ожидаем от него очень многого, ведь страна живет неважно, трудно, и этот молодой человек наша последняя надежда, а не то хоть погибай.

Впрочем, будет как будет.

Вчера целый день смотрел политические ток-шоу, все их очень любят.

Это вызвало во мне разные мысли.

Так, многие философы говорят, что люди в основном одинаковы и что все они, как бы это сказать по-латыни, дурные козлы. Это не я сказал, так говорил Заратустра.

А я считаю, что люди очень разные – одни козлы, другие гиены и шакалы, а третьи вообще сбежали из горящего дурдома.

Например, писатели.

Еще говорят, все люди братья.

Лично я вспоминаю двоих Адамычей, Каина и Авеля – ничего хорошего в этом братстве нет.

Или вот любовь – тоже хитрая штука, если почитать стихи поэтов.

А по-моему, это просто жажда секса и ничего такого.

Моя жена часто спрашивает, люблю ли я ее.
Я говорю, что конечно, как родную печенку.
Она обижается и говорит, как это.
Я говорю, ну, как – я со своей печенью груб и равнодушен, а жить без нее не смогу.
Жена снова обижается, а по-моему, это четкое отображение супружеской любви, особенно если у вас есть внучка. И эта внучка на толстеньких кривых ножках отплясывает перед телевизором, повторяя все непристойные телодвижения Леди Гаги.

Что же будет дальше?

Дальше будет как обычно – первая робкая любовь, потом брак, а в конце – любовь к печенке.

Сегодня у сына Шурика день рождения. Он рано поседел, но потом женился, переехал и совсем забыл старого папку.

Жена столько раз говорила мне: «Ты бы хоть поблагодарил меня за сына, хоть бы купил сережки, цепочку, кулончик или колечко!» – что я, наконец, надумался и к 35-летию сына подарил ей чудесный букет жасмина, который я сам наломал и красиво оформил.

По-моему, это очень харизматично, креативно и гламурно.

Как в песне Георга Отса:

Не могу я тебе в дни рождения
Дорогие подарки дарить,
Но зато в эти ночи весенние
Я готов о любви говорить!

На сутках

Рабочий день в разгаре. Впереди еще целые сутки, поэтому сторожу спешить некуда.

Он разлепляет похмельные зенки и тупо смотрит в газету перед собой: «Неизвестный обманом выкрал на автостанции телефон у пенсионера...»

На стоянке фур сортир давно уже с верхом.

Приехала спецмашина с толстым шлангом, говновоз.

Водитель в кирзовых сапогах, воняющий в унисон со спецмашиной, делая вид, что он разъярен, гаркает:

– Ты чего сюда пару ведер не влил? – и показывает на дерьмо.

– Еще чего, это твой хлеб! – с достоинством говорит сторож.

И дядька, поняв, что не на того напал, берет ведра и идет в бухгалтерию на третий этаж, за водой.

В обед сторож выпивает пива и раскумаривается.

За окном слышен азартный собачий лай, и он выглядывает из будки: стая собак катится лавиной, как на псовой охоте в Англии; впереди чешет кошка Кузя.

Через час эта охота на лис проносится в обратную сторону.

Кузя бегаёт так уже четвертый год, каким-то образом выживая, делаясь все более упитанной и, между делом, приводя котят.

Впрочем, никто еще не пережил младенческого возраста.

В два часа ночи пьяный сторож стоит посреди двора и, задрав голову, смотрит на величественный купол звездного неба.

– Ни хера себе!.. – шепчет сторож.